

Надежда Паршуткина

В ПЛЕНУ ТВОИХ ТЕНЕЙ

УДК 82-312.9
ББК 84-445
Н17

Н17 **Надежда Паршуткина**
В плену твоих теней / Надежда Паршуткина – М.: Литнет, 2026. – 224 с.

ISBN 978-5-524-00178-8

Я успешный адвокат, привыкшая к порядку и холодному расчёту. Мой мир это цифры, факты и победы в суде, где нет места эмоциям. Но один вечер переворачивает все с ног на голову. Теперь я в чужом теле. Еще и невеста какого-то странного герцога, чьи глаза скрыты повязкой. Но чем больше я узнаю о женихе и его семье, тем яснее становится: за роскошными фасадами и пышными церемониями скрываются опасные тайны. Кто он на самом деле? Почему его дядя смотрит на меня с таким вожделением? И что скрывается за повязкой, которую герцог никогда не снимает?

"В плену твоих теней" — это история о выборе, доверии и тёмных секретах, которые могут либо погубить, либо спасти.

В книге есть: Неунывающая героиня с характером Драконы Тайны и предательство Скандалы, интриги, заговоры Чувственные сцены Любовь Обязательный ХЭ

Знак информационной продукции согласно
Федеральному закону от 29.12.2010 г. № 436-ФЗ.

ISBN 978-5-524-00178-8

© Литнет, 2026
© Надежда Паршуткина, 2026

Глава 1

Мой кабинет это пространство, где каждая деталь подчинена строгому порядку. Шкафы из темного дерева, аккуратные стопки дел на полках, хрустальная пепельница (я не курю, но клиенты иногда нервничают). На столе – компьютер с двумя мониторами, блокнот в кожаном переплете и ручка Montblanc – подарок от довольного клиента после выигранного дела.

Утро началось с разбора почты. Письма, запросы, уведомления из судов. Я просматриваю каждое, отмечая важное. Кофе – черный, без сахара. Он должен быть крепким, как моя позиция в зале суда.

Первая клиентка – Анастасия Львовна. Женщина в дорогом пальто, с шикарным маникюром и стрижкой. Она плачет или делает вид.

– Итак, давайте еще раз, только уже без слез. Хорошо? – протягиваю ей коробку с салфетками. Она кивает, вытирает слезы, но я вижу – макияж не пострадал, отличная тушь, дорогая.

Ее история стандартна: муж, любовница, «неожиданное» обнаружение. Но когда я спрашиваю про доказательства, слезы мгновенно высыхают. Она листает телефон, демонстрируя фото. Слишком много, слишком... постановочных, будто он позировал.

– Отлично. Отправьте их мне.

Она хочет половину имущества. И яхту. Конечно, яхту.

После ее ухода кабинет наполняется тишиной. Я набираю воду в стакан, смотрю в окно. Солнце отражается в стеклянной поверхности, и я ловлю себя на мысли, что мне плевать на ее драму. Моя задача – закон, а не эмоции.

Следующий клиент бизнесмен, пытающийся вывести активы перед разводом. Потом консультация по наследству. Бумаги, подписи, холодный расчет.

Вечером, когда офис пустеет, я остаюсь одна. Проверяю документы, которые завтра пойдут в суд. Кофе уже остыл, но я допиваю его.

Мой мир это цифры, статьи и факты. И я предпочитаю, чтобы всё было именно так.

Только я собрала папки в сумку, проверила, выключена ли кофеварка, и потянулась за пальто, как зазвонил телефон. Взглянула на экран: «Ольга».

Приятельница. Нет, даже не так, старая знакомая. Я не называю людей «подругами». Подруги это слишком личное, слишком... обязывающее. А у меня в жизни есть только четкие категории: клиенты, коллеги, знакомые. И Ольга где-то на границе между «знакомой» и «человеком, с которым иногда можно выпить вина».

Поднесла трубку к уху, даже не успев сказать «алло», как в динамике уже раздался её звонкий голос, чуть захлёбывающийся от возбуждения.

– Ириш, ты дома?

– Нет ещё, в офисе.

– О, отлично! Значит, ещё не устала! – Она даже не спрашивает, устала ли я вообще. Ольга всегда говорит так, будто её реальность единственно возможная, а все остальные просто ещё не осознали, как им повезло в ней оказаться.

– Пошли в караоке! Прямо сейчас!

Я закатила глаза, хотя знала, что она этого не видит.

– Оль, нет. У меня завтра три заседания, я даже документы не все проверила...

– Ну и что! Ты же не в суд идёшь, а на пару часов расслабиться! – Она сделала паузу ровно настолько, чтобы вдохнуть, и тут же продолжила атаку. – Давай хоть на полчасика? Ты же знаешь, что я одна не пойду, а там классный новый зал открыли, с караоке-боксами...

Я прикусила губу. Не хотелось никуда идти. Хотелось домой, в тишину, где можно снять туфли, налить вина и просто молча пролистать дела на завтра без этого вечного ольгиного «давай-давай». Но она не сдавалась.

– Ирин, ну пожа-а-алуйста...

В её голосе была та самая нота, которая всегда действовала на меня, как скрип несмазанной двери, не больно, но противно до мурашек. Я вздохнула.

– Ладно. Пошли. Говори, куда подъехать.

Ольга тут же взвизгнула от восторга и начала быстро диктовать адрес, словно боялась, что я передумаю. А я уже жалела, что согласилась.

Но что поделать, иногда даже мне приходится делать вид, что я умею «расслабляться». Хотя бы для приличия.

Мы сидели в уютном полумраке караоке-бара, мягкие диваны, мерцающие огоньки гирлянд. Ольга уже успела заказать вино и несколько закусок, а теперь с азартом листала плейлист, периодически восклицая: «О, это же классика! Надо спеть!»

Я молча наблюдала за ней, потягивая прохладное белое. В голове уже прокручивала список дел на завтра, но Ольга, как всегда, не собиралась оставлять меня в покое.

– Ирин, хватит киснуть! – она ткнула пальцем в мое плечо. – Твоя очередь! Я нахмурилась.

– Я не пою!

– Ну вот еще! – Ольга фыркнула и сунула мне микрофон. – Ты же мне сто раз рассказывала, что в детстве мечтала о сцене!

Я замерла. Да, было такое, давно.

Вспомнились те дни, бесконечные гаммы, ноты, выученные до автоматизма, и Вера Константиновна, строгая, с вечной недовольной складкой у рта. Я так старалась. А потом пришла к ней, робко попросила помочь с подготовкой к поступлению в музыкальное. И услышала: «У тебя ничего не выйдет. Музыка – это не твое.»

Тогда я сожгла все ноты. И решила, что больше никто и никогда не скажет мне, что что-то – «не мое».

– Ладно, – я резко встала, сжав микрофон. – Но только одну.

Ольга зааплодировала, а я медленно поднялась на маленькую сцену. Экран передо мной замигал, начался отсчет, и зазвучала музыка. Я закрыла глаза и запела.

Голос, который годами копился где-то глубоко внутри, вырвался наружу, чистый, сильный, с легкой хрипотцой от долгого молчания. Я не пела с тех самых пор, как бросила фортепиано, но тело помнило.

Помнило, как держать дыхание, как вести фразу, как чувствовать каждую ноту.

Я пела и вокруг будто стихло. Даже Ольга замолчала, уставившись на меня широкими глазами.

А я вдруг вспомнила, каково это – стоять перед воображаемым залом, чувствовать, как музыка течет сквозь тебя, как каждая нота отзывается где-то в груди. Последний аккорд и тишина.

А потом взрыв аплодисментов, даже от соседних столиков.

– Боже, Ира... – Ольга ахнула. – Ты... Ты же просто...

Я, молча, спустилась со сцены и поставила микрофон на стол.

– Я же говорила, что не люблю караоке, – сухо бросила я.

Но внутри что-то дрогнуло, что-то старое, что-то, что я давно заперла в самом дальнем ящике памяти.

Вечер тянулся бесконечно. Неоновые огни караоке-бара мерцали в такт дешевой поп-музыке, окрашивая лица посетителей в сине-розовые оттенки. Мы с Ольгой засели в угловом диване, обложившись бокалами и тарелками с закусками. Она смеялась громко и беззаботно, расплескивая вино, а я машинально подносила ко рту оливку за оливкой, чувствуя, как по моей спине ползет неприятный холодок.

Кто-то смотрел. Я точно знала это – тот самый животный инстинкт, который заставляет оленя замирать перед прыжком волка. В зале было шумно, душно, но этот взгляд пробивался сквозь всю толпу, будто ледяная игла.

В третий раз, когда Ольга с пьяным восторгом впихнула мне микрофон, я поднялась на сцену, чувствуя, как мурашки бегут по рукам.

– Ну, давай же, звезда! – крикнула Ольга, хлопая в ладоши.

Я начала петь, но голос звучал чужим, слишком громким в этой маленькой комнате с синтетическими обоями. И вдруг снова этот взгляд.

Я резко обернулась, прервав песню на полуслове. Темно. Только силуэты людей, склонившихся над столами, блики от экранов, отражающиеся в потных бокалах. Никто не смотрел в мою сторону.

Но я знала, он был здесь.

– Ирин, ты чего? – Ольга нахмурилась.

– Ничего, – я сжала микрофон так, что пальцы побелели. – Просто... показалось.

Но когда я снова начала петь, в горле стоял ком.

Когда я очередной раз взглянула на часы, было три часа ночи.

– Всё. Я домой, – наконец заявила я.

Ольга, уже еле державшая голову, уткнулась носом в стол.

– На такси? – пробормотала она.

– На такси.

Мы выбрались на улицу, и холод ударил по лицу, как пощечина. Город за ночь превратился в ледяную сказку тротуары блестя, как черное стекло, фонари отражались в них желтыми лужами света. Дыхание тут же застывало в воздухе белым облачком.

– Ты точно доедешь? – я схватила Ольгу за руку, когда ее каблук предательски скользнул по наледи.

– Ага-ага, – она махнула рукой и плюхнулась в такси, как мешок с картошкой.

Я вздохнула и обошла машину, чтобы сесть с другой стороны. Нога наступила на лед, я почувствовала, как подошва предательски съезжает в сторону, руки инстинктивно взметнулись вверх, как у марионетки, у которой дернули за нитки.

– О... – успела подумать я.

Резкий удар, затылок с глухим стуком встретился с асфальтом. На секунду мир вспыхнул белым. Искры, мириады крошечных звездочек, танцующих перед глазами. В ушах звон, высокий и тонкий,

будто кто-то ударил по хрустальному бокалу. И сквозь этот звон голос. Он звучал так, будто доносился из-под земли. Скрипучий, как ржавые петли старой двери.

Дрожащий, как лист на ветру.

– Согласна ли ты взять его в мужа?

Я попыталась пошевелиться, но тело не слушалось. Тьма накатывала волной, густой и тяжелой, как деготь. Последняя мысль, проскользнувшая в сознании: «Что за бред?» А потом – провал.

Глава 2

Сознание возвращалось ко мне мучительно медленно, словно я продиралась сквозь плотную завесу из ваты. Первое ощущение острая, пульсирующая боль, будто в череп вбили раскаленный гвоздь. Я застонала, и тут же вздрогнула от звука собственного голоса. Это был не мой голос.

Не мой уверенный, слегка хрипловатый тембр, к которому я привыкла за годы судебных заседаний. Это звучал чужой голос, более высокий, с легкой дрожью и странной писклявой ноткой, будто у подростка, чей голос только ломается. А еще слышался шум, много шума. Словно кто-то сжимал бумагу, пытаясь её разорвать.

– Откуда столько шума? – прошептала я, и снова этот чужой голос заставил меня содрогнуться.

Я резко открыла глаза, мир перевернулся. Потолок не мой привычный, гладкий с современной люстрой. Передо мной простирался высокий свод, украшенный замысловатой лепниной в виде виноградных лоз, с массивной позолоченной розеткой посередине. Оттуда свисала хрустальная люстра, чьи подвески тихо позванивали от сквозняка.

Я перевела взгляд вниз и увидела кровать. Не моя удобная кровать с ортопедическим матрасом. Передо мной возвышалась широкая деревянная кровать с резными колоннами и балдахином из тяжелого бархата. Я лежала на груде шелковых подушек, утопая в покрывале с вышитыми золотыми нитями розами.

На окнах были тяжелые шторы, темно-бордовые, с массивными кистями, пропускающие сквозь себя полосы солнечного света. Лучи падали на пол, выхватывая из полумрака паркет с замысловатым узором.

Вокруг меня девушки, их было пятеро. Они сидели вокруг меня на стульях с гнутыми ножками, одетые в пышные платья с узкими

корсетами, которые делали их талии неестественно тонкими. Их прически были высокими и сложными, украшенными лентами, цветами и даже небольшими перьями.

Они смотрели на меня с беспокойством, но в их глазах читалось и что-то еще, ожидание? Нетерпение?

– Эйлина! Ты пришла в себя! Наконец-то! – воскликнула рыжеволосая девушка, сидевшая ближе всех. Она схватила мою руку, и я почувствовала, как ее холодные пальцы сжимают мои.

Эйлина?

Я резко села, и мир на мгновение поплыл перед глазами. В висках застучало, а в ушах зазвенело. Я услышала шум, легкий, шелестящий, будто кто-то перебирает шелк. Опустила взгляд. Платье! Белое свадебное платье!

Пышная юбка, расшитая жемчугом и кружевами, корсет, стягивающий мою талию так, что дышать было тяжело. Я прикоснулась к ткани, она была прохладной и гладкой, явно дорогой.

– Что... – я схватилась за голову, но вместо привычных коротких волос почувствовала под пальцами мягкие локоны, уложенные в сложную прическу.

– Эйлина, ты как? – спросила блондинка с голубыми глазами, наклонившись ко мне. – Ты упала в обморок прямо перед церемонией!

– Церемонией? – мой голос дрогнул.

– Ну да! – рыжая снова схватила меня за руку. – Ты же сегодня выходишь замуж за герцога!

Герцога?

Я посмотрела на свои руки, это не мои руки. Они были более тонкие, изящные, с аккуратными ногтями. На одном из пальцев сверкало кольцо с крупным сапфиром.

– Зеркало, – хрипло сказала я. Девушки переглянулись.

– Ты уверена? – спросила блондинка. – Ты все еще бледная...

– Зеркало! – мой голос прозвучал резко, почти истерично.